

У Инки обсохли губы, в голове нарастал шум, словно от приближающегося поезда. Опустилась на чемодан. Что ж, этого следовало ожидать. Здесь, видно, еще не остыл сыр-бор, разгоревшийся после ее телеграммы... Уйти! Но куда уйти? В городе — ни одного близкого человека... На рассвете она уже ушла, уехала из одного дома...

— Ну, что ты, как сирота, у порога жмешься?..

Сказал Николай и даже крикнул с досады: кто она, если не сирота?.. Он подошел и, хмурясь от собственной неловкости, взял из ее рук девочку.

— Значит, это твоя дочура? Племянница, значит?.. Маня, взглянь — копия Инки!

Мария пожала губами: дескать, подумаешь — радость! Эдакая ж непутевая будет, как и мать. Николай побагровел, но сдержался, виновато глянул на Инку: ты же, мол, знаешь ее, шалую! Бережно положил девочку на диван, расстегнул на ней пальтишко, ослабил завязки пуховой шапочки.

— Это ж ей сколько? Три? Летит, скажи, время! — Оглянулся на Инку, устало сидящую на чемодане. — Да ты раздевайся! Маня, поставь чайник...

Мария отложила шитье и, пыльная, налитая, прошла в кухонку, шурша длинным штапельным халатом. От этого колышущегося халата на Инку будто декабрем дохнуло: она зябко повела узкими плечами. Поднялась с чемодана.

Николай помог ей раздеться, провел к столу. Сидя напротив, смотрел на нее с неподдельным участием: «Ох и отошала ты, сеструха! Глаза провалились — багром не достанешь. Что же у вас там произошло? Кто прав, кто виноват?..»

Он пытался представить себе, как сестра жила все эти годы, и не мог. Из ее редких писем узнавал только, что жи-

ва, здорова. Иногда приезжал в город Григорий, но и он говорил, что живут хорошо. И вот! Сидела она перед ним измученная, загнанная, с недоверчивым, звероватым взглядом. Как получили телеграмму, Мария тут же со злостью вывела: «Выпряглась! Городской развеселой жизни захотела. Сызнова кобели за ней табуном будут...» Николай покрыл жену непотребными словами, хотя доводов в пользу Инки не смог привести. Он согласен был, что сестра действительно «выпряглась», но понимал: не потому, что «развеселой жизни» захотела. Видно, горькая удавка сперла Инке дыхание, коли она вдруг взбунтовалась. Он-то знал сестренкин характер! Однажды — Инке было лет семь — ее несправедливо наказали, и она в знак протеста ушла из дому. Через день нашли в лесу голодную, оборванную и неумоленную: «Скажите, что меня неправильно наказали, тогда пойду домой!..» А в двенадцать лет переплыла Урал, злой, бурливый, еще неуспокоившийся после весеннего паводка, и ширина ему в ту пору была никак не меньше трехсот метров. Заело ее, видите ли, что кто-то из мальчишек сказал, будто плавает она, как курица. С противоположного берега, выдохшуюся, полуживую, привез ее бакенщик в лодке...

Нет, Николай знал характер сестренки! Уж, конечно, не ради «развеселой жизни» она «выпряглась»... А ради чего? Что у них там произошло? Спросить напрямик не решался.

Спросил о другом:

— Измучалась? Дорога — дрянь, поди?

— Развезло...

— До вас, пожалуй, — он, прикидывая, наморщил лоб, — километров сотни полторы?

— Сто шестьдесят семь...

Быстро можно исчерпать общий, ни к чему не ведущий разговор! Оба молча следили за Марией. Она ставила на стол посуду, масло, сахар. Делала все быстро, ловко, но

с таким брезгливым видом, что думалось: вот-вот фыркнет, словно кошка, ступившая в мокрое. Инку по-прежнему обходила взглядом.

Николай усердно, без нужды дул на чай в блюдце, как бы между прочим поинтересовался:

— Прогнал?

Натянутая, настороженная Инка ждала этого вопроса. И все же он показался и неожиданным и злорадным, словно его не родной брат задал, а надменная невестка. Инка осторожно поставила чашку на блюдце и, глядя почему-то на Марию, отрезала:

— Сама ушла! Вас это устраивает?

Николай поперхнулся чаем. А Марии того и надо! Воткнула кулаки в бока и понесла, понесла, будто удила закусила:

— Устраивает?! Очень, оч-ень устраивает, золовушка-колотовушка! Очень! Хоромы царские, неохватные! Тебя только и недостает нам, тебя да щенка твоего...

Николай, лиловея, трахнул кулаком по столу:

— Цыц!

Звякнула посуда. Проснулась на диване Леночка. У Марии обрезало голос. Она оскорбленно свела губы в скобку и скрылась в кухонке. А Николай растерянно и смущенно смотрел на свой огромный в ссадинах кулак, лежащий на столе. Чуток сильнее — и проломил бы столешницу. Сроду такого не бывало!

Слыша в комнате тишину, Мария опять сыпанула скороговоркой:

— Думала, отмаялась, избавилась, так ее сызна... С такой сам черт не уживется...

Николай повел бровью на дверь кухоньки и, ободряюще, — на Инку. Холодные синие глаза потеплели, в них словно бы голубые проталины появились.

— Ты... не обращай, сестренка... Я тебя никому в обиду...

Подперев ладонью лоб, Инка уставилась на скатерть, застланную тонкой прозрачной клеенкой. Редко взмахивали ресницы. «Лучше бы и не заходила сюда... Родные же, брат... А она! За что? Как бы она на моем месте?... Как? Она знала, как: Коля у нее по одной дощечке... Разве им понять... У них — гнездышко, у них — тишина и покой...»

— Наплюй, сестра... Перебесится и... Пропишем тебя, скоро в новую квартиру...

В кухне неистово загремела кастрюлями Мария. Николай опять повел в ту сторону бровью, но уже не так решительно, как в первый раз. После телеграммы у них с Марией был разговор насчет новой квартиры. Николай сказал, что если они пропишут у себя Инку с дочкой, то получат не двухкомнатную, а трехкомнатную квартиру. Мария уперлась в свое: «Буду в сарае с детьми жить, но только без нее!..»

Он терзался. И потихоньку проклинал и Марию и Инку — всех баб на свете! «Десять мужиков уживутся под одной крышей, а две бабы — ни за что!..» Он преувеличивал тягостность положения и потому еще больше терялся. Выдавливал из себя улыбку, неуверенно утешал:

— Мы еще заживем, сеструха... Все образуется...

Инка подняла голову. Влажные от слез глаза были нестерпимо сини. Николаю было больно смотреть в них. Он суетливо палил ей свежего чая, пододвинул сахарницу.

— Не обращай внимания. Пей, ешь, как дома... Будешь у нас жить...

— Спасибо! — Она встала и подошла к дивану. Нагнувшись, застегнула на дочке пальтишко. — Ты не спишь, доча? Ты ножками пойдешь?

Леночка сползла с дивана, большими, как у Инки, глазами нерешительно обвела незнакомую комнату.

— Мамочка, это мы к дяде Коле приехали, да, мамочка?

— Нет, доча, это чужой дядя...

Николай вскочил, загородил дорогу:

— Никуда ты не пойдешь! Не пущу! В тесноте, да не в обиде. Скоро новую квартиру получим... Пропишем вас, в долю войдете, трехкомнатную дадут...

— Отойди! — мотнула она головой, почти не разжимая губ.

И Николай посторонился.

— Тебе помочь?

— Помогли жене полы вымыть после нас...

Вот и опять знакомая улица, знакомая окраина. После вчерашней оттепели снова выпал снег. Мягкий, пушистый, он прощально белел на крышах, на талых черных ветвях кленов, податливо хрустел под ногами. Леночка, лопоча, бежала впереди, брала воздушный снег на рукавичку, украдкой слизывала языком... Инка не слышала ее лопотания. Другое в голове, другие мысли! Почему стала чужой родная, милая улица, чужой и враждебной? Почему? Почему?!

Каждый дом, каждый клен — воспоминание, грустное, как хороший, несбывшийся сон... Под этим вот кленом Григорий, сжимая ей плечи, спросил: «Ты... девчонка?» — «Конечно, не мальчишка!» Он злился: «Нет, ты... честная?» Она хохотала: «В воровстве никто не уличал!»

Григорий снял руки с ее плеч и самолюбиво замолчал. Смотрел в сторону. Закурил, угрюмо проговорил: «Не прикидывайся наивной... Про тебя всякое болтают...» Да, про нее в то время всякое болтали. Ухажеров Инка мняла с легкостью. Парни грозились: проучим, Инка, век помнить будешь! Она смеялась: рученьки коротки! Самым несотвязчивым оказался Григорий, этот демобилизованный симпатичный сержант. Казалось, его ничем нельзя было пронять, он не умел долго обижаться на ее бедовые

выходки. Зато подход к женитьбе у него был хозяйственный, крестьянский: он хотел все знать о своей будущей жене — ведь о ней «всякое болтали»: «Девчонка?... «Честная?...» Будто лошадь покупал. Поначалу Инку оскорбила эта его практичность и дотошность, но потом она по-другому взглянула на него: значит, парень серьезный и жене хочет иметь серьезную, верную. Тогда Инка не особенно вдавалась в анализ своих чувств к нему. Достаточно было того, что он ей нравился. Однако вряд ли она вышла бы за него замуж, если б не косые взгляды Марии, если б не ее вечное ворчанье и укоры.

Николай нахмурился, когда сказала о своем решении. Не одобрял поспешности. А Мария — наоборот: «И чего ты девчонке поперек дороги?! Чай, не маленькая, скоро девятнадцать. И парень вон какой, любо-милу поглядеть! Из семьи справной...» Да ведь Марию можно было понять.

Через две недели отыграли свадьбу и уехали в колхоз, к его родителям... Давно это было, почти четыре года назад...

А теперь — снова она, знакомая вечеряющая улица. Из-под лохматой тучи — озябший, красный подбородок солища. Ветрено и холодно будет завтра... Этот четырехэтажный дом, видно, недавно построен. Старый деревянный квартал с пыльными палисадниками уступил ему свое место. В нижнем этаже — сверкающий неоновыми огнями универмаг.

Инка остановилась перед огромной витриной. Остановилась бесцельно. На дворе март, а за толстым зеркальным стеклом — новогодняя елка в игрушках. Колышутся снежики на невидимых нитях, с ватных горок катаются зверята, застыла в углу снежная баба с морковным носом...

Лепочка нетерпеливо дергала за рукав:

— Мама, эта тетя смотрит, чтоб детки снег не ели, да?.. А ты мне купишь вон того мишку, мамочка?..

А когда мы к дяде Коле придем, мама? У меня уже пальчики замерзли, вот столечко, немножко совсем...

Инка выпустила из рук чемодан, подхватила дочку и обцеловала розовое холодное личико. Отвернулась, чтобы Лепочка ничего не заметила. Никогда они не придут к дяде Коле, никогда! И вообще она не знает, когда и куда они придут...

ГЛАВА II

Эдик неслышно ходил по мягкому большому ковру. Длинные тонкие ноги почти не гнулись в коленках, он переставлял их, как циркуль. Кулаки были глубоко засунуты в карманы узких брюк. Эдик шагал взад-вперед и жестко чеканил слова:

— Дядя Егор горит. Это факт. Нет сбыта. Люди измельчали, как килька. Трудно найти настоящего человека. Ты приведи Инку. Обязательно! Она подойдет. Место обеспечим ей...

— На скамье подсудимых?

Эдик круто остановился перед Игорем, сидевшим в старом кресле. Поборол вспыхнувшее раздражение, снова стал ходить. Сказал вполголоса:

— На скамью подсудимых садятся только слюнтяи. И дураки.

Из-за плеча глянул на Игоря. Тот не ответил. Он напоминал замороженную ночную птицу на восходе солнца. Сквозь толстые стекла очков смотрел на Эдика так, словно дремал с открытыми глазами. Не верилось, что он хорошо слышал и осмысливал слова приятеля. Эдик усмехнулся:

— Ты о маме думаешь? Или об Инке?

— Об обеих.

Игорь с трудом перекинул ногу на ногу. Он действительно думал о них. Ночью у матери был сердечный приступ, и пришлось вызывать скорую помощь. Всю ночь просидел возле ее кровати. С наступлением мартовской неустойчивой погоды у матери учащались приступы... Днем несколько раз звонил домой, справлялся, как она себя чувствует. Спешил к ней и после работы. Кажется, состояние ее улучшилось, по крайней мере, она его успокоила: пока был на работе, матушка даже ужин сготовила. Накормила и, кротко улыбаясь, сказала: «Иди, иди гуляй, сынок, нечего тебе со старухой киснуть... Я уж вовсе здорова...»

Эдик знал о его, как он говорил, «телячьей» привязанности к матери и поэтому с такой неприкрытой иронией спросил, о ней ли Игорь думает. Да, о ней! И пускай не кошунствует долговязый дылда! Игорь не столь богат на родственников, как Эдик, у которого и мать есть, и отец, и дядя-профессор, и ... Много у Эдика близкой и дальней родни, а у Игоря — только мать, и больше никого в целом свете... Да еще была Инка, которая вдруг разворошила, разбередила старое, будто к незажившей ране неосторожно прикоснулась.

Игорь снова и снова ругал себя за то, что проговорился о случайной встрече с Инкой.

Брел он по центральному проспекту к Эдику и машинально остановил взгляд на молоденькой женщине, выходящей из кафе национальных блюд. В руке у нее был чемодан, рядом семенила девчушка-кроха... «Неужели Инка?!» — у Игоря от внезапного волнения руки в перчатках вспотели. Он быстро снял и снова надел свои тяжелые большие очки. Это была Инка. Только у нее такой поворот головы: чуточку снизу и вбок, с быстрым, исподлобья, взглядом. Так она взглядывала, если была чем-то раздосадована... Почему она в городе, с чемода-

ном, с ребенком? Игорю будто бес-искуситель шепнул на ухо: лови удачу за обмякшие крылья, ушла от мужа твоя зазнобушка! Отчего-то именно так подумалось, словно он неустанно ждал того дня, когда Инка оставит своего рассудительного сержанта. Игорю всегда казалось, что с ней мог бы ужиться только он, Игорь. В ее руках он был бы пластилином, из которого она лепила бы мужа по собственному желанию и разумению. И это было бы замечательно, тогда он не связался бы с проклятым «полнглотом» Эдиком, который, точно циркулем, все еще мерил комнату длинными пегущимися ногами.

Игорь догнал Инку, поздоровался — и услышал, что фальшивит, срывается у него голос... Она же как будто и не удивилась, сдержанно ответила «здравствуй» и нагнулась, чтобы поправить у дочки пуховую шапку. Понял: сколько не виделась, а как была чужая, так и осталась чужой. Вероятно, никогда она не принимала Игоря всерьез, хотя он в те годы имел самые серьезные намерения. Когда узнал, что выходит Инка замуж, то был близок к самоубийству. Сентиментально, смешно, но факт! Будь у него посылылся характер — наверняка покончил бы с собой. Бесхарактерность, слабоволие и тут подставили ему ногу. И так — всю жизнь...

А Эдик все ходил и ходил по мягкому ковру, и тень от его фигуры то ложилась на оклеенные зелеными обоями стены и картины в золоченом багете, то темной дорожкой ускользала в приоткрытую дверь смежной комнаты — «апартаменты предков».

Когда Эдик оказывался под трехрожковой люстрой, тень пряталась под его домашние туфли, а сквозь жидкие волосы видна была черная родинка на темени. Эдик продолжал строить планы, что-то говорил о туристической поездке за границу, о дяде Егоре, о своей матери, которая обязательно устроит Инку на работу...

Игорь следил за его тенью, но не следил за речью. Продолжал думать об Инке. Узнав, что остановиться беглянке не у кого, предложил поехать к нему: «Секция, две комнаты. Отец умер. Мамаша глуховата, хорошее, знаешь, качество для свекровки...»

Инка поежилась: всегда он неудачно острил при ней.

— К тебе я не поеду, нет....

Наверное, у нее было очень мало денег или не было совсем — она отказывалась и от гостиницы. Он-таки устроил ее в лучшем номере, сказав, что стоит это сущие пустяки. Сам заплатил за несколько суток вперед, с ужасом прикидывая, что если Эдик или дядя Егор не одолжат ему хотя бы небольшой суммы, то завтра не на что будет купить матери лекарства... Следя за тенью Эдика, Игорь приходил к выводу, что у Эдика лучше не спрашивать денег. Иначе поневоле придется согласиться с ним насчет Инки. Зацепился он за нее, как штаны за гвоздь: приведи да приведи! Хотя, конечно же, для дела Инка — сущий клад. Эдик прав. Но подставить ее под удар?..

Видимо, Эдика все-таки озарило, что Игорь внимает его словам, как глухонемой — молитве. Он резко остановился — как раз под люстрой.

— Ты меня слышишь? Понимаешь?!

Под его длинными редкими волосами очень заметной стала родинка на темени, Эдик вспылил, и она налилась, увеличилась. А глаз почти не видно стало, они утонули в тени от выпуклых надбровных дуг. Игорь боялся приятеля, когда тот вдруг вспыхивал, тогда от него можно было ожидать чего угодно. Сегодня, измученный бессонной ночью, он смотрел на Эдика равнодушно, словно наблюдал за незнакомым человеком на экране телевизора. Мысль механически сравнивала: внешностью Эдик совершенно не походил на свою мать — чистую брюнетку, а вот характером — да.

Час назад, когда Игорь пришел сюда, Эдик был совер-